

Несомненно, что были и сторонники Великого Князя Михаила, и его воцарение означало бы начало гражданской войны в столице. Возбуждать же гражданскую войну, при наличии войны на фронте и ясного понимания нами, что гражданская война вызовет такую смуту в тылу, которая лишит Действующую Армию необходимого подвоза пищевых и боевых припасов, – на это мог решиться только Ленин, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась в этот ужасный момент не в возбуждении страстей, а в умиротворении и приведении взволнованного моря народной жизни в должное успокоение. Такой мерой было, несомненно, отречение Императора Николая II и воцарение Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Но упущение времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. В революционную эпоху события мчатся с такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможным, завтра делается уже невозможным к осуществлению. Так было и в этом случае» [1, с. 301–303].

Такова версия событий, изложенная одним из непосредственных участников, а потому и заинтересованным в положительных для себя их интерпретациях.

1. Родзянко, М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок Председателя Государственной Думы. С дополнениями Е.Ф. Родзянко. – М., 2002.
2. Стрелочники революции. В катастрофе 1917 года обвинили министров путей сообщения и земледелия, спасших Петроград от голода // Родина. – 2016. – № 10. – С. 44–49.
3. Курлов, П.Г. Гибель Императорской России / П.Г. Курлов. – М.: Современник, 1992.
4. Багдасарян, А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854–1918) / А.О. Багдасарян. – М., 2013.
5. Холяев, С. В. Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции / С.В. Холяев // Вопросы истории. – 2016. – № 10. – С. 59–65.

Назарова Е.Л.

ПИСЬМА К Н.А. РУБАКИНУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ (1911–1922 гг.)

Переписка выдающегося русского ученого, педагога, создателя системы самообразования для широких народных масс Н.А. Рубакина (1862–1946) со своими читателями и ученикам – очень важный и до сих пор не изученный источник по истории Российской империи и ее народов. Особая ценность и содержательность писем как исторического источника проистекает из основного принципа самообразования, предложенного Рубакиным: человеку, стремящемуся самостоятельно освоить знания, необходима постоянная помощь, а потому учитель должен иметь максимальную информацию об ученике.

Система самообразования для Российской империи, где среднее образование не было доступно для большей части жителей, оказалась чрезвычайно востребованной. Перу Рубакина принадлежали многочисленные книги и статьи по различным наукам и событиям в обществе, из которых читатель получал новые знания в наиболее доступном для малообразованного человека изложении [1]. Общеобразовательные статьи публиковались и в нескольких популярных журналах «Журнал для всех» («Новый журнал для всех»), «Вестник знания» с приложениями и др., причем в них были рубрики «вопросов и ответов», в которых читатели могли письменно задавать Рубакину интересующие их вопросы. Кроме того он неоднократно публиковал анкеты для тех, кто хочет обратиться к нему за помощью и которая помогала ему составить программу для желающего заняться самообразованием.

В анкете он просил сообщать читателя сведения о возрасте, профессии, образовании, отношении к природе, научных и общественных интересам, знакомстве с литературой, планах на будущее. За 30 с лишним лет он помог по переписке более, чем 10 тыс. своих заочных учеников (подавляющее большинство – до распада империи) [4, с. 7] Поскольку большинство его корреспондентов, подробно отвечали на вопросы анкеты, письма не только содержат информацию о самих учениках Рубакина, но и характеризуют российское общество предреволюционного времени. Кроме того, некоторые из заочных учеников советовались с Рубакиным по различным жизненным проблемам, рассказывали о ситуации в семье и о тех людях с которыми они постоянно общались. Эти сведения также несут важную информацию для представления о Российской империи начала XX в.

Среди учеников были представители из разных регионов и многих наций Российской империи. Сгруппированные по национальному принципу письма позволяют изучать историю от-

дельных народов и частей страны в контексте истории Российской империи в целом. Подобное исследование находится лишь на начальной стадии [2; 5].

Далее приводятся результаты анализа переписки Н.А. Рубакина с 14 латышскими читателями, относящейся к 1911–1922 годам. В своих письмах они называют Рубакина «учитель», «советник», «вдохновитель жизни». Авторы писем – начинающая писательница (Марта Путнис), реалист (Александр Бредерман), ученик лесного училища (А.Силинь), учитель приходской школы и сотрудник газеты «Dzimtenes Vēstnesis» (Альфред Сипол), конторский (Наколай Радвил) и почтово-телеграфный (К.Рожукалн) служащие, судебный письмоводитель и председатель Крестьянского суда (Эд. Раусе), земледельцы и дети крестьян-хозяев (Фридрих Фратнек, Матвей Озол и Яков Цельмс), подпоручик (Рудольф Клинсон), рабочий (Петр Эглит), а также батрак Иоанн Озол¹ [3]. Причем за пределами этнической родины жили Клинсон (служил в Благовещенске), А.Силинь (учился в Томской губернии; вполне вероятно, что он и вырос в сибирской латышской колонии), Цельмс (работал в хозяйстве отца в латышской колонии в Калужской губернии). Эглит работал на заводе в Петрограде, куда он мог попасть с эвакуированными заводами из Рижского региона (письмо датировано 1916 г.). Иоанн Озол после освобождения из плена Первой мировой войны, остался работать на хозяина фермы в Германии.

Таким образом, эти ученики Рубакина представляли основные социальные и профессиональные группы латышского общества начала XX в., причем, молодое поколение латышей в возрасте от 17–18 до 32 лет. Самому старшему и единственному из них семейному Э. Раусе было 39 лет. При этом они выделялись из общей массы соотечественников своей активной жизненной позицией, осознанной целью в жизни, для реализации которой необходимы были дополнительные знания.

Большинство из них выросли в сельской местности (кроме рижанина Радвила), хотя непосредственно в своем хозяйстве вместе с наемными работниками работали Фратнек и Матвей Озол (оба из Курземе) и Цельмс. Тем не менее, кроме Иоанна Озола все эти люди получили образование не ниже неполного среднего. «Университетами» Иоанна стала школа для пленных в лагере в Германии. Сын бедных родителей Эд. Раусе после начальной школы был чернорабочим, посыльным, переводчиком в суде, пока не смог сдать экзамен за курс уездного училища. Клинсон, Силинь, Цельмс, Фратнек, Радвил, Рожукалн и, очевидно, Эглит окончили 3-х или 4-х классное городское училище. М. Озол был после третьего класса исключен из городского училища за вольнодумство. Нет сведений о И.Я. Лельмане, но так как письмо его написано грамотно и он просит посоветовать пособие для обучения работы на пишущей машинке, он, мог быть или секретарем, или письмоводителем, то есть, имел образование не ниже неполного среднего. То есть, необходимость давать детям по возможности хотя бы неполное среднее образование осознавалась представителями всех сословий.

О дальнейшем образовании выпускники таких школ заботились уже сами, после нескольких лет работы, выбирая те учебные заведения, которые могли бы обеспечить им более обеспеченную жизнь и повышение социального статуса: военное училище (Клинсон), престижное лесное училище (Силинь), ремесленное училище, общеобразовательные и специальные электротехнические курсы (Эглит). Цельмс искал средства для поступления в университет Шанявского в Москве.

Сложнее было дать детям базовое среднее образование. Из 14 латышских корреспондентов Рубакина только двое окончили гимназию (Марта и А. Сипол); А. Бредерман учился в реальном училище. Причем из подробных писем М. Озола и Бредермана видно, что они недовольны тем, чему и как их учили. Недовольство вызывало слишком большое место в школьной программе уроков Закона Божьего, постулаты которого вызывали недоверие у учеников, уже знакомых с теорией Ч.Дарвина. Александр писал также, что в преподавании предметов не учитывалось, что три четверти учеников училища были латышами, не всегда понимавшими объяснение учителя, а обучение русскому языку было поставлено плохо. Не нравилось равнодушие учителей к ученикам, что приводило и к падению интереса реалистов к учению.

Независимо от типа оконченного учебного заведения, все латышские ученики Рубакина считали необходимым заниматься самообразованием: для повышения общего уровня знания, чтобы определиться в жизни, чтобы понять «сущность вселенной» или для изучения отдельных наук: химии и физики (Рожукалн, Цельмс), философии и мистики (Клинсон), и т.п. Самые молодые – Силинь, М.Озол, Бредерман – хотят понять ход развития общества, причину социаль-

¹ Имена учеников Рубакина приводятся в том виде, как они сами называют себя в письмах.

ного неравенства, суть частной собственности. Силиня больше интересуется литература и латышский театр. М. Озол волновала судьба всех рабочих, Бредермана – конкретно – латышских. М. Озолу нужна была также литература для лекций, которые он читал в Обществе трезвости в Фрауэнбурге (Салдусе). Цель Сипола – стать критиком латышской литературы. Радвил и И.Озол собирались применить приобретенные знания на пользу других людей. Раусе хотел сдать экзамен за курс средней школы, чтобы не потерять работу в судебном ведомстве.

Несмотря на недовольство школьным образованием, ученики Рубакина все-таки получили базу для освоения дальнейших знаний. Кроме художественной и научной литературы, а также периодики на латышском языке, ко времени знакомства с Рубакиным его латышские ученики неплохо знали и русскую классику, которую читали в оригинале. В письмах они называют не только Пушкина и Толстого, но также Гончарова, Достоевского, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Жуковского, Грибоедова, Тургенева, Надсона, Горького, Короленко, других писателей. Причем читали они внимательно, примеряя поведение героев на себя, оценивая и анализируя содержание, определяя какой герой и почему больше нравится. Из иностранных писателей в русских переводах читали У. Шекспира, И.В. Гете (Клинсон), Г. Гауптмана и Ч. Диккенса и др. (Силинь).

По-русски и по-латышски еще до обращения за помощью к Рубакину большинство его учеников читали такие серьезные книги по интересующим их научным проблемам, как труды К.Е. Тимирязева и И.И. Мечникова, Ч.Дарвина, К. Маркса, И. Канта, Ф. Ницше, О. Вейнингера и др. От Рубакина каждый из них получал большой список литературы; некоторые ученики писали в ответ, что они уже прочитали и как поняли прочитанное.

Составляя для них списки литературы, Рубакин был уверен, что они смогут достать, по крайней мере, значительную часть из книг. Научно-популярные и научные труды, как русских, так и европейских ученых в русских переводах можно было купить не только в крупных, но и в уездных городах, где жили его читатели. Иногда книги брали в библиотеках, хотя чаще туда поступали лишь периодические издания. Важное место в распространении литературы занимала «Книга-почтой», которой пользовались латышские ученики Рубакина в разных частях империи. О развитой системе подписки на периодические издания говорит то, что находившиеся за пределами Латвии латыши выписывали как русские, так и латышские газеты и журналы. Реактивы и инструменты для химических опытов (для Рожукална и Цельмса) по рекомендации Рубакина можно было заказывать даже в Петербурге.

Разумеется, рассматриваемая группа латышей не была многочисленной. Ученики Рубакина жаловались ему, что встречают непонимание в своем окружении. Тем не менее, надо учитывать, что журналы по самообразованию имели массовые тиражи и широко распространялись (в продажу, в библиотеки или по подписке), в том числе, по всей Латвии. Кроме того, научно-популярные и художественные труды Рубакина печатались в журналах или отдельными брошюрами на латышском языке. А информация о выходе его книг публиковалась в газетах [6–10]. Так что можно с уверенностью сказать, что самообразованием по книгам Рубакина занимались многие латыши.

Таким образом, письма к Рубакину позволяют судить об образовании в Латвии, о большом значении самообразования в латышском обществе, а также о степени включенности латышей в общероссийское культурное пространство.

1. Брикман, Т. Я. (сост.) Николай Александрович Рубакин (1862–1946). Библиографический указатель. – М. : Пашков дом, 2012. – 226 с.
2. Назарова, Е. Л. Н.А. Рубакин и его латышские ученики / Е. Л. Назарова // *Vēsture: avoti un cilvēki*. XVIII. (Humanitārās fakultātes XXIV starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli). – Daugavpils, 2015. – 196–204 lpp.; <http://du.lv/fakultates/humanitara-fakultate/strukturvienibas/vestures-katedra>
3. Письма к Н.А. Рубакину // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 358. Оп. 210. Д. 61. (А. Бредерман), Оп.240. Д. 9. (Р. Клинсон), Оп. 248. Д. 7 (И. Лельман), Оп. 260. Д. 24 (И. Озол), О. 260. Д. 25 (М.Озол), Оп. 266. Д. 10 (М. Путнис), Оп. 266. Д. 33. (Н. Радвил), Оп. 266. Д. 65 (Э. Раусе), Оп. 267. Д. 60 (К. Рожукалн), Оп.274. Д. 39 (А. Силинь), Оп.274.Д.59 (А. Сипол), Оп. 283. Д. 59 (Ф. Фратнек), Оп. 285. Д. 32 (Я. Цельмс), Оп. 289. Д. 69 (П.Эглит).
4. Рубакин, А. Н. Рубакин. Лоцман книжного моря / А. Рубакин. – М. : Молодая гвардия, 1979. – С. 7.
5. Шмаков, А. А. Уральские адресаты Н.А. Рубакина / А. А. Шмаков // Археография и источниковедения истории и литературы на Южном Урале. Уфа, 1979. – С. 74–87.
6. Redakcijai piesūtītas grāmatas // *Sadzīve*. – 1911. – 20. dec.
7. Rubakins N. Mitroškas uzpūrešanās // *Pēterburgas Avīžu Literārais Pielikums*. 1903. №№23, 28; 1904. №№8–18.
8. Rubakins N. Mitroškas uzpūrešanās. // *Jaunības Tekas*. – 1913. – № 11; 791–810.
9. Rubakins N. Par varenām un briesmu pilnām dabas paradībām. *Tulk. P. Sunds. R.*, 1905.
10. Rubakins N. No ka cilvēki cēlušies? *Tulk. R. Makstis. R.*, 1911.